

29 12.03

28

№ 240
(1878)

29
декабря
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

Войнович Владимир

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ.ights

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича (рассказанные им самим)

Глава сорок четвертая, новогодняя

Волки, толки, пеленгатор

Почему-то плохо помню, как встречал тот или иной Новый год в молодости. Чаше происходило это в шумных компаниях, и все эти ночи, похожие одна на другую, прошли и в памяти не задержались. Кроме одной, ради которой нарушу хронологию повествования и перепрыгну через два десятилетия.

Последние дни 1979 года мы проводили на даче, в ста километрах от Москвы. 31 декабря моя шестилетняя дочка Оля, едва проснувшись, спросила, когда придет Дед Мороз. Я сказал: «Скоро». Она спросила: «А когда скоро?» Я сказал: «Очень скоро». Она спросила: «А когда очень скоро?» Я сказал: «Вечером». Она спросила: «А когда будет вечер?» Я сказал: «Когда пройдет день». Она спросила: «А когда пройдет день?» Я сказал: «К вечеру как раз и пройдет». Она подумала и спросила: «А как пройдет день? Разве у него есть ноги?»

Наш разговор был прерван шумом во дворе. Подойдя к окну, я увидел красные «Жигули» с ржавым багажником на крыше. На багажнике возлежало нечто, завернутое в мешковину и обмотанное веревками. Все четыре дверцы распахнулись одновременно, и из них на снег вывалилось семейство Зайцевых: муж Саша, жена Варвара, их дочь Наташа, Олина ровесница, и их сын Дания, толстый мальчик по прозвищу «наш жених».

Гости вылезали с шумом и с криком. Варвара по своему обыкновению рассказывала обо всем сразу: в Москве исчез стиральный порошок, у свекрови на локте странная опухоль, директора института вчера вызвали в ЦК, а оттуда с инфарктом увезли в Кремлевку, пирог слегка подгорел, по Би-би-би сказали, что русские в Афганистане завязнут надолго, в такой гололед по нашим дорогам могут ездить только самоубийцы, а Сашка вчера до двенадцати ночи стоял в очереди за елками и притащил, сами увидите что, только не падайте в обморок. Когда Саша снял с багажника и развернул то, что должно было называться елкой, в обморок никто не упал, но Оля заплакала и, когда мы ее спросили, почему она плачет, сказала: «Елочку жалко, зачем ее побили?»

Меня всегда удивляло, как наши торговые организации, имея в своем распоряжении самые обширные в мире лесные массивы, ухитрялись вырывать елки такие кривые и голые, что непросто бывало отличить их от саксаула.

Дети впали в уныние, взрослые тоже, решили идти в лес и добыть елку, настоящую, чтобы ей самой не стыдно было так называться. Тем более что мы жили в таком государстве, где лес, как и другие природные ресурсы, принадлежал народу, и мы, как часть народа, имели право взять часть принадлежавшего нам богатства.

Как только стемнело, мы с Сашей нарядились в дубленки и валенки. Саша при этом подпоясался веревкой, а за веревку заткнул топор, и мы двинулись в путь, крадучись, словно ночные разбойники.

Тут незнающему читателю стоит сказать, а знающему напомнить, что в стокилометровой зоне вокруг Москвы тогда располагалось (про сейчас говорить не будем) одно из трех самых важных колец обороны столи-

Прослушав новогодние поздравления Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, мы провели сеанс спиритизма, во время которого вызванный из мест своего пребывания дух Марины Цветаевой нагадал мне дальнюю дорогу, а на вопрос, куда именно, ответил по-немецки...

цы. То есть там, в лесах, скрывались ракетные установки, всякие вспомогательные сооружения и службы и, разумеется, обслуживающий персонал. И в нашем лесу тоже что-то такое присутствовало.

А у меня были тогда еще диковинные приемопередатчики типа Walky-Talky, в нашем произношении «волки-толки». Мне их привез в подарок мой американский издатель, не понимая, что подвергает меня риску больших неприятностей. Частному лицу тогда нельзя было иметь собственные средства радиосвязи. Владение ими влекло за собой подозрение в шпионаже. Меня и без всяких «волков-толков» несколько раз задерживали за то, что ходил в темных очках, фотографировал какой-то мост или смотрел в бинокль из окна вагона. А когда я обзавелся диктофоном и стал пользоваться им во время прогулок, наборматывая приходившие в голову мыслишки, бдительные граждане несколько раз доставляли меня в милицию. Но в глуши, за сто километров от Москвы, я милиции не опасался и один аппарат «волков-толков» взял с собой в лес, а другой оставил нашим женам и детям с обещанием подробного репортажа по ходу дела. Было звездно и морозно. Снег, как ему в таких случаях полагается, скрипел под ногами.

Мы с Сашей вышли за околицу, и я сообщил нашим женам и детям: «Покинули базу, движемся точно по курсу, видимость приемлемая». Следующий сеанс связи состоялся на подходе к лесу: «Приблизились к ме-

сту проведения операции». Третья радиogramма была: «Проникли на территорию беспрепятственно, продвигаемся вглубь». Через некоторое время мы добрались до знакомого ельника, на ощупь выбрали более менее красивую елку и я доложил «базе»: «Обнаружили подходящий объект». Саша ударил под корень топором. В эфир полетело: «Приступаем к демонтажу объекта». Потом: «Объект демонтирован. Приступаем к транспортировке».

Когда мы рассмотрели елочку дома, она оказалась даже лучше, чем мы думали: густая, стройная, пропорционально сложенная. Мы установили ее в крестовину, навешали на нее игрушки, обмотали разноцветными лампочками, елка засветилась и засверкала, дети были счастливы, мы тоже. Когда уже собирались сесть за стол провожать старый год, Саша решил принести дров для камина. Он вернулся озабоченный и помянул меня пальцем. Я вышел следом за ним во двор и увидел, что по единственной улице нашей деревни медленно движется военный микроавтобус, а на крыше у него крутится что-то наподобие хулахупа.

— Ты понимаешь, — спросил Саша, — что это значит?

— И дураку ясно, — сказал я. — Пеленгатор.

— А понимаешь, зачем он ездит?

— Понимаю. Ищет наши «волки-толки».

— А почему ты говоришь шепотом?

— А ты почему? — спросил я.

Мы оба рассмеялись и вернулись в дом.

— Что случилось? — спросила моя жена. — Чем вы озабочены?

— Тем, что время идет и хочется выпить и закусить.

С этими словами я взял с подоконника «волки-толки», снес их в подвал и засунул в старые резиновые сапоги. Потом сбежал на соседнюю дачу, где жил переводчик-германист Сеня Смирнов с женой Аллой. Сеня обещал нам быть Дедом Морозом, и Алла как раз пришивала пуговицу к его атласному одеянию. Я сказал Сене, что через полчаса он может уже приходиться, но есть просьба — бороду не наклеивать, а прийти в своей, которая у него была достаточно пышная и седая.

— Хорошо, — кивнул Сеня. И спросил: — А к вам военные не заходили?

— Какие военные?

— К нам какие-то приходили, — сказал Сеня. — Спрашивали про какой-то объект.

На обратном пути я увидел, что машина-пеленгатор возвращается. Она быстро проехала мимо и скрылась за околицей. Я облегченно вздохнул и вошел в дом. Все сидели за столом, и рюмки были наполнены. Ну, выпили, закусили, налили по второй, и в это время раздался стук в дверь.

— Дед Мороз! Дед Мороз! — закричали дети.

Я, ругая мысленно Сеню за то, что слишком рано пришел, распахнул дверь и отпрянул. Передо мной стояли два рослых военных в белых полубухах, старший с майорской звездочкой на погонах, младший с тремя лычками сержанта. Майор спросил, можно ли войти, но, получив разрешение, дальше порога не двинулся.

— С наступающим вас! — сказал майор неуверенно, обводя взглядом и собравшихся за столом и всю комнату.

— Вас также, — ответил я.

— Значит, уже приготовились к встрече? — спросил он.

— Пока провожаем, — уточнил Саша. — Может, выпьете с нами?

— Нет, нет, — сказал майор, явно борясь с искушением. — Мы на службе. Между прочим, елка у вас красивая.

— Мы ее привезли из Москвы, — сказала Варвара.

— А мне разницы нет, — пробормотал майор. — Я не лесник, и мне все равно, привезли вы ее из Москвы, из Парижа или в лесу срубили. Меня интересует не елка, а кое-что посерьезнее. Это вся ваша компания? Больше никого нет?

— Большие никого, — сказал я. — А вы кого-то ищете?

Не ответив на мой вопрос, майор толкнул сержанта, оба повернулись к дверям, и майор уже взялся за ручку, но задержался и спросил: — А скажите, вы тут не видели в деревне подозрительных людей с какими-нибудь необычными приспособлениями?

— Или с объектом? — добавил сержант.

— С какой-нибудь крупной вещью, — пояснил майор, — которую можно назвать объектом.

— А как должен выглядеть этот объект? — проявил интерес Саша. — Какой он?

— Ну, какой-то такой, — сказал майор, изобразил руками нечто абстрактное округлой конфигурации. — А на что похож? — попытался Саша. — На бомбу? На пушку? На корову? Или, может быть, — он рискованно пошутил, — на эту вот елку?

— Что за глупости? — вспыхнул майор. — Неужели вы думаете, что в новогоднюю ночь мне больше нечего делать, как заниматься поисками коров или елок?

Кажется, он сильно рассердился. И когда Саша еще раз предложил выпить, отказался решительно. Но все-таки, уходя, сообщил нам, что служба радиоперехвата засекла переговоры шпионов или, может быть, даже диверсантов, которые в пределах данной местности демонтировали какой-то объект. Так что если вдруг мы заметим в деревне подозрительных людей, или какой-нибудь автомобиль, или трактор, или что-то такое, — тут опять была изображена руками абстракция, — то большая просьба...

И майор написал на клочке бумаги телефон дежурного по части. После чего военные удалились, а нам с Сашей обоим, но мне особенно, крепко досталось от жен.

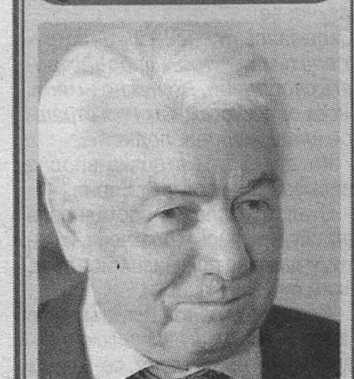
Вскоре явился с подарками и Дед Мороз, которого недоверчивый Дания дернул за бороду так, что дед взвизгнул: «Ты что, сумасшедший?» Девочки запрыгали и захлопали в ладоши, радуясь, что дед Мороз с настоящей бородой, а не с приклеенной. Раздав подарки, дед Мороз ушел, а через некоторое время явились соседи Сеня и Алла и тоже сели за стол. Сеня время от времени поглаживал бороду, а Дания поглядывал на него пылливо, но за бороду не дергал, боясь опять опростоволоситься.

Стрелки часов приблизились к циферблате к высшей точке, и мы включили телевизор, чтобы выслушать поздравления Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева советскому народу, который как было сказано, уверенно смотрит в будущее. Затем по телевизору был «Новогодний огонек», а у нас хоровод вокруг елки и розыгрыш домашней беспроигрышной лотереи. После отправки детей в постель Сашке пришлось в голову позвонить ракетчикам и поздравить их с Новым годом. Но телефона у нас не было, а использовать для этой цели «волки-толки» мы боялись и решили без всякого радио выйти на прямую связь с потусторонними силами. Мы провели сеанс спиритизма, во время которого вызванный из мест своего пребывания дух Марины Цветаевой нагадал мне дальнюю дорогу, а на вопрос, куда именно, ответил по-немецки словами Генриха Гейне: Der dumme Fuss will mich gern nach Deutschland tragen. Что приблизительно значило: «Глупая нога хочет привести меня в Германию».

Это вызвало в нашей компании большое веселое оживление и напрасно. Ибо несусветное пророчество сбылось, и следующий, 1981 год мы встречали в отеле «Спленидид» на улице Максимилианштрассе германского города Мюнхена.

Продолжение — в новом году

С Новым Годом!

Владимир ВОЙНОВИЧ, ПИСАТЕЛЬ:

— Главным событием уходящего года стала для меня публикация в «Новых Известиях» моих мемуаров. На что я надеюсь в году предстоящем? Ну, в первую очередь на продолжение сотрудничества с «НИ» и на то, что сам этот год добавит к моим еженедельным разговорам с читателем достаточно заслуживающего внимания материала. Кроме того, к печати готовится моя новая книга «Персональное дело», а на телевидении началась работа над многосерийным фильмом «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Есть еще какие-то планы и надежды, но и того, что я перечислил, достаточно.